

В. О. Ключевский

Курс Русской истории

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К52

К52 **Ключевский В.О.**
Курс Русской истории: Часть 1 / В. О. Ключевский – М.: Книга по Требованию,
2016. – 466 с.

ISBN 978-5-518-00721-5

ISBN 978-5-518-00721-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

постоянно мѣняющей свои приемы и характеръ, однако отлагается нѣчто болѣе твердое и устойчивое: это — известный житейскій порядокъ, строй людскихъ отношеній, интересовъ, понятій, чувствъ, нравовъ. Сложившагося порядка люди держатся, пока непрерывное движеніе исторической драмы не замѣнитъ его другимъ. Во всѣхъ этихъ измѣненіяхъ историка занимаютъ два основныхъ предмета, которые онъ старается разглядѣть въ волнистомъ потокѣ исторической жизни, какъ она отражается въ источникахъ. Накопленіе опытовъ, знаній, потребностей, привычекъ, житейскихъ удобствъ, улучшающихъ съ одной стороны частную, личную жизнь отдѣльнаго человѣка, а съ другой — устанавливающихъ и совершенствующихъ общественныя отношенія между людьми, — словомъ, выработка человѣка и человѣческаго общежитія — таковъ одинъ предметъ историческаго изученія. Степень этой выработки, достигнутую тѣмъ или другимъ народомъ, обыкновенно называютъ его *культурой* или *цивилизацией*; признаки, по которымъ историческое изученіе опредѣляетъ эту степень, составляютъ содержаніе особой отрасли историческаго вѣдѣнія, *исторіи культуры* или *цивилизаціи*. Другой предметъ историческаго наблюденія — это природа и дѣйствіе историческихъ силъ, строящихъ человѣческія общества, свойства тѣхъ многообразныхъ нитей, матеріальныхъ и духовныхъ, помощью которыхъ случайныя и разнохарактерныя людскія единицы съ мимолетнымъ существованіемъ складываются въ стройныя и плотныя общества, живущія цѣлые вѣка. Историческое изученіе строенія общества, организациі людскихъ союзовъ, развитія и отправленій ихъ отдѣльныхъ органовъ, — словомъ, изученіе свойствъ и дѣйствія силъ, созидающихъ и направляющихъ людское общежитіе, составляетъ задачу особой отрасли историческаго знанія, науки

объ обществѣ, которую также можно выдѣлить изъ общаго историческаго изученія подъ названіемъ *исторической социологии*. Существенное отличіе ея отъ исторіи цивилизаціи въ томъ, что содержаніе послѣдней составляютъ результаты историческаго процесса, а въ первой наблюденію подлежатъ силы и средства его достиженія, такъ сказать, его кинетика. По различію предметовъ неодинаковы и приемы изученія.

Какое же отношеніе исторіи общей и мѣстной къ этимъ предметамъ познанія?

Отношеніе
къ нимъ
исторіи
общей и
мѣстной.

Оба указанные предмета историческаго изученія легче различаются въ отвлеченной классификаціи знаній, чѣмъ въ самомъ процессѣ изученія. На самомъ дѣлѣ какъ въ общей, такъ и въ мѣстной исторіи одновременно наблюдаютъ и успѣхи общежитія, и строеніе общества, притомъ такъ, что по самымъ успѣхамъ общежитія изучаютъ природу и дѣйствіе строящихся его силъ, и наоборотъ — даннымъ строемъ общества измѣряютъ успѣхи общежитія. Однако можно замѣтить, что въ исторіи общей и въ исторіи мѣстной оба предмета не находятся въ равновѣсіи и въ одномъ изученіи преобладаетъ одинъ предметъ, въ другомъ — другой. Сравнимъ, какую степень простора и какой матеріалъ находитъ для своихъ изслѣдованій историкъ культуры въ предѣлахъ исторіи всеобщей и въ предѣлахъ исторіи мѣстной, и затѣмъ дадимъ себѣ такой же отчетъ по отношенію къ исторіи, поставившему предъ собой вопросы социологическаго характера.

Успѣхи людскаго общежитія, приобрѣтенія культуры или цивилизаціи, которыми пользуются въ большей или меньшей степени отдѣльные народы, не суть плоды только ихъ дѣятельности, а созданы совмѣстными или преемственными усиліями всѣхъ культурныхъ народовъ, и ходъ ихъ накопленія не можетъ быть изображенъ въ тѣсныхъ рамкахъ какой-

либо мѣстной исторіи, которая можетъ только указать связь мѣстной цивилизаціи съ общечеловѣческой, участіе отдѣльнаго народа въ общей культурной работѣ человѣчества или, по крайней мѣрѣ, въ плодахъ этой работы. Вы уже знакомы съ ходомъ этой работы, съ общей картиной успѣховъ человѣческаго общежитія: смѣнялись народы и поколенія; перемѣщались сцены исторической жизни; измѣнялись порядки общежитія, но нить историческаго развитія не прерывалась, народы и поколенія звеньями смыкались въ непрерывную цѣпь; цивилизаціи чередовались послѣдовательно, какъ народы и поколенія, рождаась одна изъ другой и порождая третью; постепенно накоплялся извѣстный культурный запасъ, и то, что отложилось и уцѣлѣло отъ этого многовѣковаго запаса—это дошло до насъ и вошло въ составъ нашего существованія, а черезъ насъ перейдетъ къ тѣмъ, кто придетъ намъ на смѣну. Этотъ сложный процессъ становится главнымъ предметомъ изученія во всеобщей исторіи: прагматически, въ хронологическомъ порядкѣ и послѣдовательной связи причинъ и слѣдствій, изображаетъ она жизнь народовъ, совмѣстными или преемственными усиліями достигавшихъ какихъ-либо успѣховъ въ развитіи общежитія. Разсматривая явленія въ очень большомъ масштабѣ, всеобщая исторія сосредоточивается главнымъ образомъ на культурныхъ завоеваніяхъ; которыхъ удалось достигнуть тому или другому народу. Наоборотъ, когда особо изучается исторія отдѣльнаго народа, кругозоръ изучающаго стѣсняется самымъ предметомъ изученія: здѣсь наблюденію не подлежатъ ни взаимодействіе народовъ, ни ихъ сравнительное культурное значеніе, ни ихъ историческое преемство: преемственно смѣнявшіеся народы здѣсь разсматриваются не какъ послѣдовательные моменты цивилизаціи, не какъ фазы человѣческаго развитія, а раз-

смагиваются сами въ себѣ, какъ отдѣльныя этнографическія особи, въ которыхъ, повторяясь, видоизмѣнялись извѣстные процессы общежитія, тѣ или другія сочетанія условій человѣческой жизни. Постепенные успѣхи общежитія въ связи причинъ и слѣдствій наблюдаются на ограниченномъ полѣ, въ извѣстныхъ географическихъ и хронологическихъ предѣлахъ. Мысль сосредоточивается на другихъ сторонахъ жизни, углубляется въ самое строеніе человѣческаго общества, въ то, что производитъ эту причинную связь явленій, т.-е. въ самыя свойства и дѣйствія историческихъ силъ, строящихъ общежитіе. Изученіе мѣстной исторіи даетъ наиболѣе обильный матеріалъ для исторической социологіи.

Двѣ точки зрѣнія.

Итакъ разница въ точкахъ зрѣнія и ихъ сравнительномъ удобствѣ. Эти точки зрѣнія вовсе не исключаютъ одна другой, напротивъ, пополняютъ другъ друга. Не только общая и мѣстная исторія, но и отдѣльные историческіе факты могутъ быть изслѣдуемы съ той или другой стороны по усмотрѣнію изслѣдователей. *Въ древнемъ правѣ* Мэна и *Античной городской общины* Фюстель-де-Куланжа предметъ одинаковъ—родовой союзъ; но у послѣдняго этотъ союзъ разсматривается, какъ моментъ античной цивилизаціи или какъ основа греко-римскаго общества, а у перваго—какъ возрастъ человѣчества, какъ основная стихія людскаго общежитія. Конечно, для всесторонняго познанія предмета желательно совмѣщеніе обѣихъ точекъ зрѣнія въ историческомъ изученіи. Но цѣлый рядъ соображеній побуждаетъ историка при изученіи мѣстной исторіи быть по преимуществу социологомъ.

Преобладаніе социологической точки зрѣнія въ мѣстной исторіи.

Всеобщая исторія создавалась, по крайней мѣрѣ доселѣ, не совокупной жизнью всего человѣчества, существовавшего въ извѣстное время, и не однообразнымъ взаимодействіемъ

всѣхъ силъ и условій человѣческой жизни, а отдѣльными народами или группами немногихъ народовъ, которые преемственно смѣнялись при разнообразномъ мѣстномъ и временномъ подборѣ силъ и условій, нигдѣ болѣе не повторявшемся. Эта непрерывная смѣна народовъ на исторической сценѣ, этотъ вѣчно измѣняющійся подборъ историческихъ силъ и условій можетъ показаться игрой случайностей, лишающей историческую жизнь всякой планомѣрности и закономѣрности. На что можетъ пригодиться изученіе историческихъ сочетаній и положеній, когда-то и для чего-то сложившихся въ той или другой странѣ, нигдѣ болѣе не повторимыхъ и не предвидимыхъ? Мы хотимъ знать по этимъ сочетаніямъ и положеніямъ, какъ раскрывалась внутренняя природа человѣка въ общеніи съ людьми и въ борьбѣ съ окружающей природой; хотимъ видѣть, какъ въ явленіяхъ, составляющихъ содержаніе историческаго процесса, человѣчество развертывало свои скрытыя силы,—словомъ, слѣдя за необозримой цѣлью исчезнувшихъ поколѣній, мы хотимъ исполнить заповѣдь древняго оракула—познать самихъ себя, свои внутреннія свойства и силы, чтобы по нимъ устроить свою земную жизнь. Но по условіямъ своего земного бытія человѣческая природа какъ въ отдѣльныхъ лицахъ, такъ и въ цѣлыхъ народахъ раскрывается не вся вдругъ, цѣликомъ, а частично и прерывисто, подчиняясь обстоятельствамъ мѣста и времени. По этимъ условіямъ отдѣльные народы, принимавшіе наиболѣе видное участіе въ историческомъ процессѣ, особенно ярко проявляли ту или другую силу человѣческой природы. Греки, раздробленные на множество слабыхъ городскихъ республикъ, съ непревзойденной силой и цѣльностью развили въ себѣ художественное творчество и философское мышленіе, а римляне, основавшіе небывалую военную имперію

изъ завоеваннаго ими міра, дали ему удивительное гражданское право. Въ томъ, что сдѣлали оба эти народа, видятъ ихъ историческое призваніе. Но было ли въ ихъ судьбѣ что-либо роковое? Была ли предназначена въ удѣлъ Греціи идея красоты и истины, а Италіи чутье правды? Исторія отвѣчаетъ на это отрицательно. Древніе римляне были посредственные художники-подражатели. Но потомки ихъ, смѣшавшіеся съ покорившими ихъ варварами, потомъ воскрасили древнее греческое искусство и сдѣлали Италію образцовой художественной мастерской для всей Европы, а родичи этихъ варваровъ, оставшіеся въ лѣсахъ Германіи, спустя вѣка особенно усердно реципировали римское право. Между тѣмъ Греція съ преемницей павшаго Рима Византіей, тоже обвѣженная наплывомъ варваровъ, послѣ Юстиніанова кодекса и Софійскаго собора не оставила памятныхъ образцовъ ни въ искусствѣ, ни въ правовѣдѣніи. Возьмемъ примѣръ изъ новѣйшаго времени. Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. въ Европѣ не было народа болѣе мирнаго, идиллическаго, философскаго и — болѣе пренебрегаемаго сосѣдями, чѣмъ нѣмцы. А менѣе, чѣмъ сто лѣтъ спустя послѣ появленія Вертера и только черезъ одно поколѣніе отъ Іены этотъ народъ едва не завоевалъ всей воинственной Франціи, провозгласилъ право силы, какъ принципъ международныхъ отношеній, и поставилъ подъ ружье всѣ народы континентальной Европы.

Идеальная
цѣль соціо-
логическаго
изученія.

Значить, тайна историческаго процесса собственно не въ странахъ и народахъ, по крайней мѣрѣ не исключительно въ нихъ самихъ, въ ихъ внутреннихъ постоянныхъ, данныхъ развѣ навсегда особенностяхъ, а въ тѣхъ многообразныхъ и измѣнчивыхъ, счастливыхъ или неудачныхъ сочетаніяхъ внешнихъ и внутреннихъ условій развитія, какія складываются въ известныхъ странахъ для того или

другого народа на болѣе или менѣе продолжительное время. Эти сочетанія — основной предметъ исторической социологіи. Хотя они запечатлѣны мѣстнымъ характеромъ и внѣ даннаго мѣста неповторимы, но это не лишаетъ ихъ научнаго интереса. Черезъ общества, подпадавшія подъ ихъ дѣйствіе, они вызывали наружу тѣ или другія свойства человѣчества, раскрывали его природу съ разныхъ сторонъ. Всѣ исторически слагавшіяся общества — все различныя мѣстныя сочетанія разныхъ условій развитія. Слѣдовательно, чѣмъ больше изучимъ мы такихъ сочетаній, тѣмъ полнѣе узнаемъ свойства и дѣйствіе этихъ условій, каждаго въ отдѣльности или въ данномъ наиболѣе своеобразномъ подборѣ. Такъ этимъ путемъ, быть можетъ, удастся выяснитъ, какъ *общее* правило, *когда*, напримѣръ, капиталъ убиваетъ свободу труда, не усиливая его производительности, и *когда* помогаетъ труду стать болѣе производительнымъ, не порабощая его. Изучая мѣстную исторію, мы познаемъ составъ людскаго общежитія и природу составныхъ его элементовъ. Изъ науки о томъ, какъ строилось человѣческое общежитіе, можетъ со временемъ — и это будетъ торжествомъ исторической науки — выработаться и общая социологическая часть ея, наука объ *общихъ* законахъ строенія человѣческихъ обществъ, приложимыхъ независимо отъ переходящихъ мѣстныхъ условій.

Опредѣливъ, въ какомъ соотношеніи должны находиться при изученіи мѣстной исторіи точки зрѣнія культурно-историческая и социологическая, перейдемъ теперь къ ближайшему разсмотрѣнію самаго этого вопроса объ условіяхъ развитія людскихъ обществъ, о тѣхъ или иныхъ сочетаніяхъ этихъ условій.

Историческій процессъ, какъ мы его опредѣлили, слагается изъ совместной работы нѣсколькихъ силъ, смыкаю-

Основные
силы обще-
житія.

щихъ отдѣльныя лица въ общественные союзы. Въ области опытнаго или наблюдательнаго познанія, а не созерцательнаго, богословскаго вѣдѣнія мы различаемъ двѣ основныя первичныя силы, создающія и движущія совмѣстную жизнь людей: это — человѣческій духъ и внѣшняя или такъ называемая физическая природа. Но исторія не наблюдаетъ дѣятельности отвлеченнаго человѣческаго духа: это область метафизики. Равнымъ образомъ она не вѣдаетъ и одинокаго, отрѣшеннаго отъ общества чело́вѣка: чело́вѣкъ самъ по себѣ не есть предметъ историческаго изученія; предметъ этого изученія — совмѣстная жизнь людей. Историческому наблюденію доступны конкретныя виды или формы, какіе принимаетъ человѣческій духъ въ совмѣстной жизни людей: это индивидуальная человѣческая *личность* и человѣческое *общество*. Я разумѣю *общество*, какъ историческую силу, не въ смыслѣ какого-либо спеціальнаго людскаго союза, а просто какъ фактъ, что люди живутъ вмѣстѣ и въ этой совмѣстной жизни оказываютъ вліяніе другъ на друга. Это взаимное вліяніе совмѣстно живущихъ людей и образуетъ въ строеніи общежитія особую стихію, имѣющую особыя свойства, свою природу, свою сферу дѣятельности. Общество составляется изъ лицъ; но лица, составляющія общество, сами по себѣ каждое — далеко не то, что всѣ они вмѣстѣ, въ составѣ общества: здѣсь они усиленно проявляютъ одни свойства и скрываютъ другія, развиваютъ стремленія, которымъ нѣтъ мѣста въ одинокой жизни, посредствомъ сложенія личныхъ силъ производятъ дѣйствія, непосильныя для каждаго сотрудника въ отдѣльности. Извѣстно, какую важную роль играютъ въ людскихъ отношеніяхъ примѣръ, подраженіе, зависть, соперничество, а вѣдь эти могущественныя пружины общежитія вызываются къ дѣйствію только при нашей встрѣчѣ съ ближними,

т. е. навязываются намъ обществомъ. Точно такъ же и внѣшняя природа нигдѣ и никогда не дѣйствуетъ на все человѣчество одинаково, всей совокупностью своихъ средствъ и вліяній. Ея дѣйствіе подчинено многообразнымъ географическимъ измѣненіямъ: разнымъ частямъ человѣчества по его размѣщенію на земномъ шарѣ она отпускаетъ неодинаковое количество свѣта, тепла, воды, міазмовъ, болѣзней, — даровъ и бѣдствій, а отъ этой неравномѣрности зависятъ мѣстныя особенности людей. Я говорю не объ извѣстныхъ антропологическихъ расахъ, бѣлой, темно-желтой, коричневой и проч., происхожденіе которыхъ во всякомъ случаѣ нельзя объяснить только мѣстными физическими вліяніями; я разумѣю тѣ преимущественно бытовыя условія и духовныя особенности, какія вырабатываются въ людскихъ массахъ подъ очевиднымъ вліяніемъ окружающей природы и совокупность которыхъ составляетъ то, что мы называемъ *народнымъ темпераментомъ*. Такъ внѣшняя природа наблюдается въ исторической жизни, какъ *природа страны*, гдѣ живетъ извѣстное людское общество, и наблюдается какъ сила, поскольку она вліяетъ на бытъ и духовный складъ людей.

Итакъ человѣческая *личность*, людское *общество* и *при-* Его элемен-
ты.
рода страны — вотъ тѣ три основныя историческія силы, которыя строятъ людское общежитіе. Каждая изъ этихъ силъ вноситъ въ составъ общежитія свой запасъ элементовъ или связей, въ которыхъ проявляется ея дѣятельность и которыми завязываются и держатся людскіе союзы. Элементы общежитія — это либо свойства и потребности нашей природы, физической и духовной, либо стремленія и цѣли, какія рождаются изъ этихъ свойствъ и потребностей при участіи внѣшней природы и другихъ людей, т. е. общества, либо, наконецъ, отношенія, какія возникаютъ

между людьми изъ ихъ цѣлей и стремлений. Сообразно съ такимъ или инымъ происхожденіемъ одни изъ этихъ элементовъ могутъ быть признаны простыми или первичными, другіе производными, вторичнаго и дальнѣйшихъ образованій изъ совмѣстнаго дѣйствія простыхъ. По основнымъ свойствамъ и потребностямъ чловѣка эти элементы можно раздѣлять на *физиологическіе* — полъ, возрастъ, кровное родство, *экономическіе* — трудъ, капиталъ, кредитъ, *юридическіе* и *политическіе* — власть, законъ, право, обязанности, *духовные* — религія, наука, искусство, нравственное чувство.

Схема соци-
ально-исто-
рическаго
процесса.

Общезитіе складывается изъ своихъ элементовъ и под-
держивается двумя средствами, *общеніемъ и преемствомъ*.
Чтобы стало возможно общеніе между людьми, необходимо
что-либо общее между ними. Это общее возможно при
двухъ условіяхъ: чтобы люди понимали другъ друга и чтобы
нуждались другъ въ другъ, чувствовали потребность одинъ
въ другомъ. Эти условія создаются двумя общими способно-
стями: *разумомъ*, дѣйствующимъ по одинаковымъ законамъ
мышленія и въ силу общей потребности познанія, и *волей*,
вызывающей дѣйствія для удовлетворенія потребностей. Такъ
создается взаимодѣйствіе людей, возможность воспринимать
и сообщать дѣйствіе. Такимъ обменомъ дѣйствій отдѣльныя
лица, обладающія разумомъ и волей, становятся способны
вести общія дѣла, смыкаться въ общества. Безъ общихъ
понятій и цѣлей, безъ раздѣляемыхъ всеми или большин-
ствомъ чувствъ, интересовъ и стремлений люди не могутъ
составить прочнаго общества; чѣмъ больше возникаетъ
такихъ связей и чѣмъ больше получаютъ онѣ власти надъ
волей соединяемыхъ ими людей, тѣмъ общество становится
прочнѣе. Устаиваясь и твердѣя отъ временъ, эти связи
превращаются въ нравы и обычаи. Въ силу тѣхъ же усло-